

ПОЛЕМИКА

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

(начало на стр.1)

Правда – выше денег, а поэзия – выше правды! Э, как завернул! И ещё – можно обмануть женщину, а музу нельзя. Я не стану выстраивать рейтинги поэтов. Не так и важно кто первый с конца, а кто первый с нача-

Не имеем права проигрывать

ла. Всё меняется даже на глазах одного поколения. Взять хотя бы феномен Андрея Вознесенского. – Нет феномена! Всё больше и больше мест на духовном олимпе занимает поэзия моего учителя Юрия Кузнецова. Хотя он и говорил мне когда-то, что стихи его будут читать лет через пятьдесят, не раньше... Ошибся!

И ещё добавлю – если ты умеешь читать, а тем более писать, то сам легко построишь всех по росту, а кое-кого заставишь упасть и отжаться.

Это, мой дорогой читатель, мы наблюдали с тобой не раз. Взять давнюю статью Аллы Марченко "Сергей Есенин", написанную через сорок лет после его смерти. Не может она понять его стихи. Пишет, что Сергей Есенин очень известен потому, что печатался в широко распространяемых изданиях, а Пастернака, Цветаеву никто тогда не знал...

Но разве сейчас Сергей Есенин стал менее популярен? Я живу в своей стране, полисти не раз и не два кровью моих предков, и выбираю сам СВОИХ ПОЭТОВ.

Нужно возжечь свечу или запалить костёр до небес, чтобы осветить все тайные тропы и метущиеся по ним заблудшие души. Чтобы помочь русским людям выйти к свету.

Потому что враги России – все светонесные тоннели умудряются захлопнуть перед нашим курносим носом.

Или мы очень медлительны, или слишком уж доверчивы. Но сейчас на кону стоит наша Родина, и мы не имеем права проигрывать Битву. Наши предки и гениальные русские поэты нам этого не прощают.

Если вдруг не будет у русских поэзии, то они не смогут говорить ни друг с другом, ни с Богом, ни с другими народами, не смогут понять их. Без поэзии нет музыки, мира и даже войн – *"поэт во стане русских воинов"*. Поэзия свет и мрак, море и пустыня. Язык поэзии – это кровь народа. Меня очень волнует читательский интерес к поэзии.

Убийца нашего великого реформатора Петра Столыпина – Мордка Багров говорил, что

жизнь – тысяча съеденных котлет... А вот для русского человека жизнь другое – это борьба и молитва!

С нашим обществом всё более-менее понятно. Хочу рассказать о зонах, ибо живу на Урале в краю, где очень много лагерей. На российских зонах мне приходилось неоднократно выступать, в том числе и в детских колониях. Был я и на самой страшной для зеков зоне "Белом Лебеде". Бывая на зонах, я всегда прошу показать мне библиотеки и

поэтические сборники.

Вот парад имён – Пушкин, Тютчев, Лермонтов, Фет и, конечно же, Сергей Есенин! Все книги одинаково засалены и потрёпаны. Читатель, вот горние вершины русской поэзии, которые видны даже из-за колючей проволоки и высоких заборов с вертушками на вышках!

Есть у меня давнее доперестроечное стихотворение "В родительском доме". Проти-тирую, а потом поясню:
*В родительском доме
Не жить мне и дня.
В родительском доме –
Чужая родня,
Чужие портреты
Висят на стене,
Чужие заветы
Бормочут во сне.
Чужие с чужими
Твердят о чужом,
И страшно мне с ними
Быть в доме своём.*

Когда это стихотворение прочитала моя мачеха – она долго рыдала от обиды, думая, что это о ней сказано.

Зек, сидящий за убийство, переписал его из областной газеты "Звезда", не мудрствуя лукаво – поставил вместо моей фамилии свою и отдал в лагерную газету "На волю с чистой совестью". Потому что думал – это стихотворение о нём. И только морской офицер, приехавший к родителям в отпуск, – понял правильно замысел автора. Он понял, что ждёт Россию в недалёком будущем.

Александр Твардовский сказал замечательно: *"То, что я напишу, не напишет Лев Толстой"*. А нам остаётся надеяться, что в нашем любезном Отечестве, хорошие книги будут всегда востребованы и сегодня, и завтра, и всегда...

Игорь ТЮЛЕНЕВ

Редакция поздравляет Игоря Тюленева с выходом новой книги стихов "Тюленевгад".

На улицах Москвы появились стелды (фото прилагается), с которых утверждается, что пришло "время читать классику".

Бессспорно, надо читать классику, но что нам предлагают составители авторов и произведений, несомненно, утверждённых ми-

увет Данте – Бог с ним, "Божественная" всё же "комедия". Но зачем нам Фиджжеральд с его "убогим Гэтсби"? (Слава, опять же, Богу, что составители забыли о Роулинг с её "Гарри Поттером"). Зато в перечне присутствуют диссиденты, такие как Пастернак с его "Доктором Живаго", но нет Алексея Толстого с

Время читать "классику" ?!

нистерством культуры и рядящимся в тогу патриота, господином Владимиром Мединским – министром культуры, историческая

родина предков которого и его лично вроде как Украина, а возможно и ещё что-то весьма далёкое от современной России и русской культуры. С Правлением Союза писателей России конечно же не посовествовались, на мнение русских писателей давно уже наплевали даже составители школьной программы по литературе.

Рядом с бесспорными классиками – Толстым, Пушкиным, Достоевским что-то не видно Лермонтова, Тургенева, Куприна, Горького и других русских писателей и совсем нет советских, не считая Булгакова, лучшее произведение которого всё-таки "Белая гвардия". Ну ладно, что в перечне присут-

его знаменитой трилогией "Хождение по мукам", и Шолохова тоже там нет с его великим романом "Тихий Дон".

Дополняя список эмигрантов и диссидентов Набоков с его маргинальной "Полюти" и усиленно раскручиваемый в последнее время диссидент Довлатос с его "Чемоданом" (жаль забыли о "Заповеднике"), а также скромный и по-своему талантливым Пелевин с "Чапаев и Пустота" – произведением, в общем-то, довольно пустым.

Венчает предложенный список, конечно же, Венедикт Ерофеев с его "Пештушками". Надо же, не забыли такого "великого классика"! Куда до него Распутин, Бондарев или Проханову...

Вячеслав МАКЕЕВ

Юрий Панкратов и Иван Харабаров

Как-то я спросил у знакомой старшеклассницы:

– Расскажи, пожалуйста, что тебе известно о шестидесятниках?

Она понимающе кивнула головой и затараторила;

– Шестидесятники – это литературное течение, возникшее в разгар хрущёвской оттепели. В группу шестидесятников входят Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина, Роберт Рождественский, Окуджава и другие. Эти поэты впервые в послевоенные годы откровенно заговорили о любви, о переживаниях человека, связанных с его личной жизнью. Шестидесятники были очень популярны в народе. Их выступления собирали целые стадионы. Для поддержания порядка привлекалась конная милиция.

Заметив тень неудовольствия на моём лице, старшеклассница упавшим голосом сказала:

– Что-то неправильно? Нам так преподают.

– Да нет, всё правильно, – поспешил я её успокоить, – просто нужно было жить в то время.

Я вспомнил себя в девятом классе. Кем я был тогда, в самом начале пятидесятих годов? Навивным и самоуверенным подростком, всезнайкой, ухватившим истину за хвост? Сколько потом было разочарований и переоценок того, что казалось незбылемым. Уже в зрелом возрасте я написал строчки:

*Совсем не те стихи мы с детства учим
И ценности не те в душе храним.*

Во времена моей молодости у каждой девочки был дневник, куда она заносила любившиеся стихи, песни, цитаты из книг. Был такой дневник и у моей двоюродной сестры Раи. Поскольку мы жили в одной квартире, а на правах родственника и доверенного лица, часто заглядывал в этот дневник.

На первой его странице цветными карандашами очень крупно и, очевидно, с трепетом было выведено стихотворение Степана Щипачёва:

*Любовью дорожить умеете,
С годами дорожить вдвойне.
Любовь – не вздохи на скамейке
И не прогулки при луне.
Всё будет – слякоть и пороша,
Ведь вместе надо жизнь прожить.
Любовь с хорошей песней схожа,
А песню нелегко сложить.*

Дальше торопливым полудетским почерком были записаны популярные тогда песни, пре-

имущественно из утёсовского репертуара, стихи о Зое Космодемьянской, об Александре Матросове, бывший тогда в ходу шлягер "Жил в Ростове Витя Черевичный", полублатные

дворовые романсы типа:
*Из-за пары распрёпанных кос,
Что пленяли своей красотой,
С оборванцем подрался матрос,
Ободряемый шумной толпой.*

Репертуар девичьих дневников был скуден

и однообразен. Да и откуда взялись бы в таких дневниках образцы хорошей поэзии? Ведь весь серебряный век был под негласным запретом. Не издавали ни Есенина, ни Блока, ни Бунина, ни Цветаеву.

В лирике безраздельно царил Щипачёв. Недавно во время одной из литературных дискуссий известный "знаток" поэзии с жаром доказывал:

– Щипачёв – прекрасный человек, к нему с большим уважением относились современники. Его поэзия сыграла свою роль...

Не спорю! Сыграла. Я слушал пылкую речь оппонента, а в памяти крутились бытовавшая некогда в литературных кругах пародия, не помню, к сожалению, её автора:

*Вот сущия
соседское бельишко на верёвке.
Совсем недавно грязь на нём была,*

"Новый Петербург" (№19, 19.05.2016) перепечатал статью Бориса Стругацкого со своей статьёй "Будете кричать..."

Прежде всего автор вызвал твердую убежденность в том, что народ России заражен фашизмом: "Чума в нашем доме. В первую очередь она поражает оскорбленных и униженных, а их так много сейчас". Автор пророчит неисчислимые беды – "как только придут к власти ваши фюреры". Выступление известного писателя затрагивает многие из "вечных", не стареющих тем российской общественно-политической борьбы. Поэтому показало полезным ещё раз перечитать его текст.

Статья утверждает, что народ, зная немецкий фашизм, якобы понятия не имеет, что "существует и другой фашизм... свой, доморощенный". Поучая, автор пишет, что фашизм – это "очень просто!": "Фашизм есть диктатура националистов". "Будете кричать..." – это о русских.

Но вскоре выясняется, что поучая других, Стругацкий сам весьма смутно представляет себе предмет обсуждения. Читатель может запутаться в хитросплетениях ложно толкуемых дефиниций – "патриотизм", "национализм", "раса", "нацизм" и др.

Всё "очень просто". Автор убежден, что для него не существует ничего сложного. Но так ли это на самом деле? Возможно, что для Академии наук фашизм нечто неразгаданное. Стругацкий напоминает: "Сейчас Академия наук, выполая указ президента, лихорадочно формулирует научное определение фашизма". Не очень ясно, однако, почему, как предрекает статья, это определение будет точное, но "дьявольски сложное" (!).

Логике автора не позавидуешь: всё же, "сложное" или "простое" прославует это понятие?... Путаясь в своих дефинициях, Стругацкий продолжает умножать определения: "Фашизм – это задержавшийся в развитии феодализм... это феодализм сегодня", "фашизм – это ложь", "фашизм – это диктатура национастов".

Литератор призывает не путать национализм с патриотизмом, но сам обнаруживает невежество в понимании этих категорий. Пишет, что "патриотизм – это любовь к своему народу", между тем известно, хотя бы из этимологии самого слова, что патриотизм – это любовь к родине, к государству. О национализме сказано – "это неприязнь к чужому". Но неприязнь к чужому всегда называлась ксенофобией.

В истории, правда, известны взгляды, сопровождаемые категоричной "неприязнью к чужому". Это расовые доктрины гитлеризма и иудаизма. Для них типична убежденность в расовой избранности своих народов.

Видимо незнакому Стругацкому и понятие шовинизма, или шовинистом, а не националистом является человек, "исповедующий (и проповедующий) превосходство одной нации над другими".

"Очень важный признак фашизма – ложь", читаем в статье. Однако автор сам же в рассматриваемой проблеме напускает густой туман из ложных посылок и фальшивых определений. Заметим, к слову, что ложь сопутствует многим политическим режимам, в том числе и либерально-демократическим. Замечательный русский правовед и государственный деятель К.П. Победоносцев, свою статью о демократии не случайно назвал "Великая ложь нашего времени".

Дилетантизм, невежество и аллопм обнаруживаются во многих абзацах этого претенциозного "послания". Вот ещё пассажа с обличением ненавистного автору национализма: только "националист всегда мыслит категориями "свои – чужие"".

Но спросим – а как мыслили наши бойцы на фронтах войны с гитлеровской Германией? Деление на "свои – чужие" вообще свойственно любому живому организму, не утратившему инстинкта самосохранения. Как представляется, это свойство присуще (и в весьма обостренной форме) и самому Стругацкому. Заметим, что идеологию, говоря его словами, когда "целые народы с легкостью необыкновенной записывают в негодья", проповедовал не русский солдат-фронтовик, а еврейский писатель Илья Эренбург, напечатанный тогда, в годы войны, резонансную статью-призыв "Убей немца". Что же, г-н Стругацкий и Эренбурга запишет в фашисты? А как быть с известным еврейским политологом Збигневом Бжезинским, который без обиняков заявляет, что "русский народ – лишний народ"?

Статья "Будете кричать..." написана с само-

существует чёткого, юридически обоснованного определения самого термина. Выдвинутые разными фракциями формулировки были отвергнуты как несостоятельные. Тогда решили обратиться за помощью к Академии наук. По-моему, АН до сих пор трудится над этим заданием, а закон о борьбе с фашизмом так и не появился.

уверенностью гуру, которому должны внимать безоговорочно, и приговор его не подлежит спору. Но путаницы и лжи в тексте многовато... Вот ещё пример. Стругацкий пишет – "только фашисты людей делят на расы". Но многообразие человечества обусловлена самой природой, разными нас сделал Создатель мира и че-

Борис Стругацкий незабываемый

ловека. Помимо всего, стыдно не знать, что существует и уже имеет богатую историю наука – расология, которая не только "делит на расы", но и изучает их особенности.

Всемирно известные так называемые "Протоколы сионских мудрецов" названы автором фальшивыми. Однако непредвзятому и вменяемому читателю даже не обязательно текстуально проверять их подлинность. Достаточно вспомнить в исторический процесс: XX век во многом развивался в соответствии с содержанием "Протоколов". В прошлом была попытка указать на их якобы подложность (суд в Берне, 1936). Но Апелляционный суд в Цюрихе (1937) признал несостоятельным мнение о подложности "Протоколов", то есть подтвердил их достоверность.

Гневается Борис Натанович ещё против русских "разлагательствований", что-де "евреи русский народ споили", "все кавказцы – природные бандиты". Но где же, уважаемый фантаст, вы это слышали, когда, от кого, или где прочли? Без документальных ссылок эти эскапады можно считать как клевету.

Обращаясь к русскому народу, Стругацкий вспоминает: "Вы всю жизнь гордились победой нашей страны над фашизмом". Вот бы и поставить здесь точку. Но в своей обвинительной ревности автор не в состоянии остановиться и пишет далее: "Но вы позволили себе встать в ряды борцов за диктатуру националистов – и вы уже (! – М.Л.) фашист".

Здесь полезно договорить мысль до конца. О диктатуре каких националистов пишется? В XX веке в России известны – диктатура еврейских большевиков после октябрьского переворота 1917 года и продолживший её такой же русофобский и богоборческий сталинский террор. И можно ли сомневаться, кто в эти годы был для вас "свой", а кто "чужой". Не ваши ли, г-н Стругацкий, как вы выражаетесь "фюреры" (в большинстве еврейские) пришли тогда к власти, и разработал (цитирую статью) "отлаженный конвейер": устранение инаномыслящих – подавление неизбежного протеста – концлагеря, виселицы – упадок мирной экономики – милитаризация – война"... И против русского народа – который вы обложно обвинили в склонности к фашизму – был развернут беспримерный геноцид, по сравнению с которым, скажем еврейский холокост окажется несопоставимо меньшим по числу жертв. Об этом имеется богатая литература, упомянам хотя бы книги А.Солженицына, И.Шафаревича, О.Платонова, Б.Миронова, Ю.Козенкова и других.

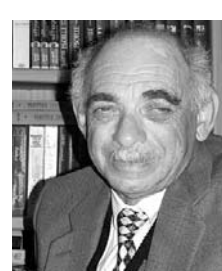
О русской национальной диктатуре – как переходном к монархии этапе – мечтал великий мыслитель XX в. И.А. Ильин. Он очень опасался того, что реально произошло в России после ликвидации СССР – перехвата власти либерастами-компрадорами, взращёнными в номенклатурных недрах вчерашней КПСС. К несчастью, и сегодня мечта Ильина, увы, остаётся всё ещё призрачной.

Всё же крайне полезно разобраться с научным определением фашизма. Хотя бы в целях установления полноточности в публичных дискуссиях. Вспомним. В советские времена в большом ходу были доносительские обвинения: "внеклассовый", "антисоветский", "антимарксистский" и т.п. В постсоветские годы, тоже знакомые, чуть подновлённые – "черносотенный", "шовинистический", "антисемитский". От времени они сбавляются, тускнеют. Тогда идёт в употребление совсем уже неотразимое – "фашистский"... Это очень удобный способ полемизировать. Он избавляет от необходимости предъявлять доказательства, аргументы. Предполагается, что от одного вскрика "фашист" русский человек должен ложиться в нокаут.

Мне понятна логика "Нового Петербурга", который повторил публикацию статьи Стругацкого. Ибо за 20 лет, минувших со дня первого её по-

ства ответил:

– Между нами большое различие. Я солдатский поэт, а Симонов – офицерский.

Мол, он пишет для узкого круга, он салонный. И это сказал Сурков, которому Симонов посвятил одно из самых пронзительных стихотворений русской лирики "Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины"! Что тогда говорить о других?

Была ли в то время поэзия, заслуживающая внимания? Была, но дышала на ладан под страшным нажимом. Кедрина убили. Несравненная Анна Ахматова, объявляя последними словами в официальном партийном документе, чтобы выжить, переводила корейских поэтов. Заболоцкий доживал последние дни, истомившись в сталинских лагерях. Можно назвать ещё несколько имён – Арсений Тарковский, Мария Петровых, Семён Липкин. Все они были не в чести.

Но исподволь, навстречу оттепели, пробивались молодые ростки. Интересно заявили о себе поэты военного поколения – Гудзенко, Вашенкин, Винокуров. В стенах Литературного института пробовал свои силы, в преддверии ареста, юный Наум Коржавин. Томился на урановых рудниках, готовясь к взлёту, Анатолий Жигулин.

Это подспудное движение должно было во что-то материализоваться.

И тогда появились эти двое ребят. Их роль в поэзии ещё не получила должной оценки. Я полистал различную справочную литературу. О них почти нигде нет упоминаний. А ведь популярность их была ни с чем не сравнимой.

Утром, приходя в студенческие аудитории, мы спрашивали друг у друга, есть ли новости. Это означало – пришли ли новые стихи Юрия Панкратова и Ивана Харабарова? Их поэзия распространялась преимущественно в списках. О шестидесятниках мы тогда и не слышали. Прочитали в газете поэму Вознесенского "Мастера", поразилась свежести стиха, но не более. Чувств он не затронул.

А эти двое были нашим откровением. Они писали так, как никто до них, они касались самых интимных тем, они владели умами.

Мне до сих пор это представляется какой-то фантазмасгорией – два мальчика совершили переворот в русской поэзии. У них было уже то, что потом возмзут на вооружение шес-

явления, мало что изменилось в оклеветании русского народа либерал-космополитами. Не остаётся русофобия. И используются всё те же приёмы нападения. "Фашизм" остаётся распространённым жуеолом, которым враги дубасят по русским головам.

Если бы наши думцы образца 1995 года были образованнее и начитаннее, им не пришлось бы в поисках определения фашизма напрягать Академию наук. Достаточно было бы обратиться к сочинениям И.А. Ильина, который на са-

Марк ЛЮБОМУДРОВ

мом себе испытал, что такое немецкий фашизм, чудом избежав гитлеровского концлагеря.

Да, я снова цитирую Ильина, ибо о нём можно твердо сказать: "Ильин – наше всё!". Его определение прословутого термина можно бы назвать почти исчерпывающим – во всяком случае по отношению к реально существовавшим и ныне бытующим политическим режимам. В своём замечательном, пророческом труде "Наши задачи" (в РФ впервые напечатан в 1992 году) Ильин обозначил следующие признаки фашизма:

"1. Безрелигиозность. Враждебное отношение к христианству, к религии, исповеданиям и церквям вообще.

2. Создание правого тоталитаризма, как постоянного и якобы "идеального" строя.

3. Установление партийной монополии и выстраивание из неё коррупции и деморализации.

4. Уход в крайности национализма и воинственного шовинизма (национальная "мания грандиоза").

5. Смешение социальных реформ с социализмом и соскальзывание через тоталитаризм в оголосудствление хозяйства.

6. Владение в идеологическом цезаризме с его дегмогией, раболовством и деспотией". (Взято из статьи "О фашизме".)

Не менее важно разобраться и с категорией "национализм", которая к настоящему времени обросла невероятным количеством лжи, фальсификаций, извращений и спекуляций.

Напомню, что тысячу лет Российское государство развивалось на основе симфонии трех властных сил – "Православие, самодержавие, национализм" (при переводе с французского, на котором был написан этот текст графом С.Уваровым, термин "национализм" заменили на "народность").

Формулируя кратко, с опорой на русское социально-философское наследие, можно утверждать, что национализм является высшей формой духовно-политического, исторического и этнокультурного самосознания народа, служит сосредоточенным, идейно оформленным выражением солидарных интересов нации. Национализм – это интегрирующая, сплачивающая народ сила. Напомним, что крупнейшими идеологами русского национализма в XIX веке были славянофилы, включая Пушкина, Гоголя, Достоевского. А в веке XX, пожалуй, прежде иных имен назовем И.А. Ильина. Проблема национализма он посвятил многочисленную серию статей, отстаивая и развивая это понятие. В национализме мыслитель видел любовь к исторически-духовному облику своего народа, чувство, которое ведёт нацию к духовному расцвету.

Суммируя признаки национализма, концентрируя его суть, Ильин писал: "Национализм – это государственное-структурная политика, направленная на сбережение, приумножение и развитие нации, когда чувство личного самосохранения уступает чувству самосохранения нации, а отношение к её врагам становится беспощадным".

Вот истины, которых старательно избегали и избегают стругацкие и их единомышленники. Не потому ли, что всмотревшись в них как в зеркало, могут узнать и самих себя? Политический чуткий "Новый Петербург" нежданым образом напомнил нам о злободневности противостоятных, которые, в сущности, никогда не стихали – за период, говоря словами Солженицына, что мы провели "двести лет вместе"...

В заключение замечу, что проза Стругацких всегда была мне чужой, казалась искусственной, головной, иногда лубочно-политизированной. Что касается таких русофобских произведений как "Отягощенные злом, или сорок лет спустя", то кроме возмущения и безразличности иных чувств не возникло.

Между прочим, я и Борис Стругацкий одноклассники, оба закончили ленинградскую школу № 107. И сидели на соседних партах...

тидесятники – доверительная интонация, свободная форма стиха, ассоциативная рифма. Они были раскрепощены и раскрепостили русскую поэзию.

При этом они были совершенно разными. Два полюса, два взгляда на мир. Один – домашний мальчик, вроде бы предсказуемый и понятный, второй – бродяга, неизвестно откуда появившийся. Мне они представляются двумя апостолами, пришедшими в мир для великих свершений.

Власть недолго наблюдала за их самоуправством. Она расправилась с ними. Но поразному. Юрий Панкратов сам стал частью этой власти, будучи приглашённым на высокую комсомольскую должность. Постепенно его пламенный порыв иссяк, и он превратился в обыкновенного чиновника. Иван Харабаров исчез так же неожиданно, как и появился, очевидно, став дорожной пылью.

Но эти два мальчика совершили настоящий подвиг – они проложили путь шестидесятникам на стадионы. Они повернули литературный руль на 180 градусов.

Недавно я перечитывал мемуары Алексея Симонова, сына поэта. Мой взгляд задержался на знакомых фамилиях. Алексей Симонов думает о них то же, что и я. Это очень заманчиво!

Иногда, лёжа с закрытыми глазами, я пытаюсь по памяти восстановить строки, которые некогда заставляли трепетать сердце. Конечно, с вершинами сегодняшнего дня они кажутся несовершенными. И всё же! И всё же! Вот, например, Юрий Панкратов:

*Когда по небу бродят молнии,
Дерева кажутся лиловыми,
А щёки, мильте и мокрое,
Становятся эмалюрованными.
Когда по небу бродят молнии,
Родятся женщины красивые,
И возникает песни вольные,
И умирают люди сильные.
Когда по небу бродят возгласы,
Земля наполнена духами,
И мы летим с тобой по воздуху,
И крудье – на полное дыханье!
Но почему же ты померкла,
Сирень в прозрачном целлофане?
О, эта робкая примерка
Двух губ при первом целованье!*

Мне добавить нечего. Как и прежде, я потрясён.

О, эти два мальчика, повернувшие руль русской поэзии! Я поставил бы вам памятник.